Вернон отвез Гарри на Кингс-Кросс в восемь утра, чтобы убедиться, что тот уезжает, а сам мог заняться своими делами. Он высадил Гарри на обочине, помог ему перенести багаж на тележку и сказал: — «Запомни, мальчик, я не жду тебя до следующего лета. Будь хорошим, иначе...». Дамблдор не сказал, как именно попасть на станцию, лишь упомянул, что нужно подойти к барьеру между девятой и десятой платформами. Гарри заметил, что барьер светится белым светом. Он предположил, что человеческая или «активная» магия может иметь разные оттенки, которые кажутся случайными; всё, к чему прикасается магия волшебника или ведьмы, делится цветом с тем, кто её применяет. Это и создало эффект радуги на Косом переулке, поскольку на протяжении многих лет там накопилось множество магических наложений. Теперь, столкнувшись с новым цветом, Гарри задумался, означает ли это, что барьер заколдован ведьмой или волшебником, использующим белый цвет, или это нечто иное. Он пытался понять, откуда на самом деле берется магия, ведь он никогда не видел, чтобы она входила в него. Он наблюдал, как она уходит, следовательно, должна исходить из какого-то внутреннего источника, как в случае с его сферой. Гарри подозревал, что просто не достаточно силен, чтобы правильно видеть, откуда берётся магия. Если это так, значит ли это, что белый цвет принадлежит Дамблдору? Он не видел его цвета во время своего визита, так как тот был скрыт. Он понимал, что у Дамблдора есть аура, но в то же время не мог её разглядеть. Гарри отогнал эти мысли и подошёл к барьеру. Положив на него руку, он, как и ожидал, прошёл сквозь него, словно barrier и не существовал. Он отступил назад, чтобы убедиться, что рука осталась цела, а затем шагнул вперёд. Оглядевшись, Гарри понял, что, несмотря на то что он всё ещё видел станцию, все остальные словно исчезли, а на платформах не было ни одного поезда. Гарри был поражён: он впервые увидел нечто волшебное, что магглы не смогли бы воспроизвести в обозримом будущем. Это была неопровержимая магия. Поскольку ему предстояло провести много часов, прежде чем он сможет найти себе купе, он подошёл к машинисту, чтобы поговорить с ним о поезде, но тот ответил: — «Я только вожу поезд, малыш. Я не знаю, как он работает. Если бы я понимал, меня бы здесь не было». В «Истории Хогвартса» упоминалось только о том, что это магический поезд. Гарри заметил, что там, где обычно находился паровой котёл, стоит огромный блок белой магии, созданный барьером. Колёса поезда тоже светились, а там, где они касались рельсов, свечение распространялось примерно на двадцать футов вниз. Гарри, не раздумывая, достал из балласта кусок гравия и бросил его на рельсы. Как и ожидал, камень отскочил в сторону, не успев даже приблизиться к рельсам. Гарри пришёл к выводу, что это сделано для того, чтобы ничто не попало на рельсы и не остановило поезд. Он решил найти вагон, так как хотел получить хороший купе до того, как начнут появляться люди. Гарри выбрал один из вагонов примерно посередине пути, а затем сосредоточился на магии. С тех пор как Дамблдор посетил его и рассказал о мифриле, он экспериментировал с тем, что мог сделать, но его сила была сильно ограничена — когда он пытался призвать большое количество магии, то терял сознание. Когда же приходил в себя, то обнаруживал большую лужу мифрила, а не изысканную твёрдую форму, как обычно. Хотя это было интересно, для него это оказалось совершенно бесполезным, поэтому он пытался превратить металл обратно в сырую магию, чтобы изменить её, но смог расплавить только небольшие участки, оставившие следы ожогов на полу. В итоге он просто впитал магию обратно в себя, чувствуя себя полным энергии, как в тот случай, когда съел все сладости Дадли на один Хэллоуин. Теперь, когда он уже был в пути в Хогвартс, Гарри решил попробовать снова, но на этот раз с гораздо меньшим образцом. Он собрал свою магию до размера мячика для гольфа и вместо того, чтобы позволить ей «остыть» естественным образом, попытался заставить её затвердеть, представляя, как молекулы магии замедляются. Затем он вообразил, что молекулы снова ускоряются, и удерживал их между магией и твёрдой формой. В этот момент мяч словно расплавился, и на ощупь стал не металлическим, а гелеобразным. Гарри продолжал экспериментировать с этим новым открытием и обнаружил, что теперь он может физически манипулировать мифрилом, что облегчало ему придание формы, а не заставляло представлять каждое движение в голове. Через некоторое время он услышал шаги и заставил

мифрил вернуться к сырой магии, а затем поглотил её, прежде чем дверь купе открылась и в него вошла Гермиона Грейнджер — девушка из магазина палочек. — «Как ты это делаешь?» — потребовала она.— «Что именно?» — слегка запаниковал Гарри, подумав, что она заметила, как он работает с мифрилом, несмотря на то что пообещал Дамблдору никому не показывать. — «Как ты заставляешь монеты двигаться так легко?» — закрыв за собой дверь, она села напротив него.— «О, это! Ну, я просто…»— «Это не ответ! Я весь месяц пытаюсь «просто это сделать», но без палочки у меня ничего не выходит». Девочка выглядела очень рассерженной, и Гарри мысленно приготовился бежать из купе, если ситуация станет ещё более напряженной. Дадли и его банда научили Гарри читать уровень гнева в других. Каждый раз, когда Дадли злился, Гарри убегал как можно дальше. Пытаясь успокоить Гермиону, он мысленно вызвал несколько монет из мешочка на боку сундука над собой и заставил их танцевать в руке. Подняв голову, он с тревогой заметил, что её выражение лица стало ещё более сердитым, поэтому поспешно добавил:— «Я просто пытаюсь понять, как я это делаю». В конце концов он осознал, что тщательно представляет, что хочет, чтобы монеты сделали, затем планирует, как они достигнут своей цели, и, наконец, активирует свою магию, чтобы заставить их следовать его указаниям.— «То, что я делаю, — это три вещи. Насколько я могу судить, для того чтобы творить магию, нужны три основных фактора: воображение, планирование и сила. Сначала нужно представить, чего ты хочешь добиться — в данном случае заставить монеты покинуть мешок, спуститься к моей руке, а затем танцевать на ладони. Затем нужно спланировать каждую деталь, как этого добиться, и, наконец, нужно достаточно магической силы, чтобы заставить их сделать то, что ты хочешь».— «Чем это отличается от того, что делаю я?» — казалось, она остыла, услышав ответ, и теперь была скорее любопытной, чем агрессивной."Почему бы вам не показать мне, что вы пробовали?" — спросил Гарри, сам не понимая, как ему это удается. В целях самосохранения он хотел успокоить девушку. Он заставил две монеты покинуть свою ладонь и попасть в ладонь Гермионы, а затем отключил свою магию, в результате чего они упали. Гермиона знала, чего хочет: она хотела, чтобы монеты поднялись из её ладони и закружились в воздухе. Она пыталась представить, как это сделать, но вскоре осознала, что не знает, как управлять своей магией, когда использует что-либо другое. Её магия, как правило, покидала палочку без дополнительных подсказок. Поэтому она сосредоточила всё своё внимание на том, чтобы заставить монеты следовать своим указаниям, но, как и ожидалось, монеты даже не дёрнулись.— Ты питаешь их магией? — спросил Гарри, заметив, как внутри Гермионы нарастает сила, хотя она сдерживала её.— Я не знаю, как накормить их магией! — огрызнулась Гермиона, раздражённая очередной неудачей. Гарри оказался в тупике: сколько он себя помнил, ему не приходилось думать о том, как подтолкнуть свою магию к действию — она сама проявлялась. Подсознательно он вытащил свою магию на поверхность и заставил руку слегка светиться. Гермиона замерла в шоке, увидев этот случайный пример того, насколько Гарри опережает её. Вернувшись из прогулки по "Жизни Гарри Поттера", прочитав несколько книг о нём и познакомившись с самим Гарри, она решила, что книги не были вполне точными, но справедливо передавали, насколько он был искусен в магии. Некоторые книги называли его новым Мерлином, и для одиннадцатилетней девочки, только что открывшей для себя магический мир, возможность видеть, как кто-то такого же возраста заставляет свою руку светиться, а несколько золотых монет танцуют сложные движения, пока она не может сдвинуть даже одну монету, было унизительно. Гарри, конечно, не замечал всего этого, сосредоточившись на том, чтобы понять, как он заставляет свою магию работать.— Насколько я могу судить, магия у каждой ведьмы или волшебника течёт через них, как река. Я пока не выяснил, откуда она берётся и куда уходит, но когда мы творим магию, мы подключаемся к этой реке. Я представляю, что чем больше ты используешь магию и направляешь её, тем больше ресурса становится доступным, поскольку твоё тело приспосабливается к ней, как к тренировке мышц. Попробуй представить себе эту магическую реку и подключиться к ней, сосредоточившись на том, чего хочешь достичь.Гермиона задумалась, и, представив реку, которую описывал Гарри, к своему удивлению, она ощутила в

себе нечто странное. Ухватившись за это чувство, она снова сосредоточилась на монетах. Они по-прежнему неподвижно лежали в её руке, но Гермиона поняла, что нашла лишь реку, но не подключилась к ней. Однако монеты в её ладони задрожали, несмотря на неподвижность её руки. Мысленно опустив в реку большую часть руки, она заметила, что монеты дрожат ещё сильнее, один или два раза даже приподнимаясь немного. Затем, представив, как опускает в реку всю руку, Гермиона увидела, как монеты выскочили из её ладони и начали двигаться по довольно извивающемуся маршруту. Хотя это не совсем соответствовало её планам, она всё же могла с гордостью заявить, что это она заставила монеты двигаться.— Я сделала это! Я сделала это! — воскликнула она, вставая и обнимая Гарри, после чего продолжила танцевать по купе. Гарри, наблюдая за тем, как трудно было Гермионе, подумал, что результат её усилий был довольно плачевным: если Гермиона была средней по способностям, то насколько же он опережал её. До встречи с Гермионой и Дамблдором он никогда не общался с ведьмами или волшебниками и, хотя чувствовал силу Дамблдора, не видел, как тот творит магию. Гарри подозревал, что до уровня Дамблдора ему далеко, в то время как он, похоже, был на несколько лиг впереди Гермионы, которая только начала осваивать магию. Он понимал, что, возможно, другие дети, воспитанные в магическом мире, были бы ближе к его уровню.Вскоре часы пробили одиннадцать, и поезд начал отъезжать от станции. Дверь купе снова открылась, и в него заглянул рыжеволосый мальчик.— Это место занято? Все остальные заняты, — спросил он.Гермиона посмотрела на Гарри, который лишь пожал плечами. Тогда она сказала:— Нет, это только мы, не стесняйтесь, мы просто практиковали магию.Гарри бросил на неё взгляд.— Ну ладно, я практиковался в магии, а Гарри мне помогал, — добавила она.Мальчик взглянул сначала на Гермиону, затем на Гарри и замер, его глаза расширились.— Чёрт возьми, это же ты — Гарри Поттер! — воскликнул он.Гарри не отозвался: он всегда ненавидел, когда на него смотрят, а когда Дамблдор сказал ему, что он прославился тем, что выжил после смерти родителей, он понял, что не хочет быть известным благодаря этому. Если бы он и хотел славы, то только за свои собственные заслуги, а не за жертвы родителей. Мальчик, казалось, осознал, что неправильно себя повёл, протянул руку и сказал:— Я Рон Уизли, приятно познакомиться.Гарри взглянул на его руку и пожал её, не желая наживать врагов в первый день, а затем вернулся к своей книге. Рон протянул руку Гермионе, которая ответила:— Гермиона Грейнджер, приятно познакомиться.Рон сел рядом с Гермионой и постоянно поглядывал на Гарри. В тот момент, когда Рон уже собирался покинуть купе от неловкости, Гермиона спросила:— Так ты вырос в магическом или маггловском мире?— В магическом, вся моя семья — волшебники. А ты? — ответил он.— Мои родители — магглы. Я узнала о магии только тогда, когда получила письмо, но так как я была на каникулах, то смогла достать свои принадлежности только месяц назад, где и встретила Гарри. Они посмотрели на Гарри, который вздохнул и сказал:— Меня воспитывали родственники-магглы. Я знаю о магии уже несколько лет, но не знал о волшебном мире, пока не получил письмо.— Как ты мог не знать о волшебном мире, если знал о магии? — удивлённо спросил Рон.— Я понял, что странные вещи, которые я мог делать, — это магия, и научился ею пользоваться, — просто ответил Гарри, не желая углубляться в подробности. Почти десятилетие жизни под властью Дурслей научило его хранить секреты и делиться лишь необходимым, ведь несоответствие ожиданиям часто возвращалось к нему неприятными последствиями. Рон, похоже, не уловил нежелания Гарри делиться подробностями, и даже Гермиона выглядела взволнованной от того, что Гарри открылся. Поняв, что ему нужно что-то показать, Гарри поднял с пола две монеты, добавив к ним четыре, которые он положил в карман, и ещё четыре из сумки над ним.Они лениво разлетелись по купе, каждая по своему пути: одна — вокруг головы Рона, другая — по кустистым волосам Гермионы, две летали друг вокруг друга, как воздушные бойцы. Затем Рон сосредоточился, и каждая монета размножилась. Это был фокус, который он освоил в шкафу, но, к сожалению, через некоторое время они снова сливались воедино. Однако это выглядело впечатляюще, и именно этого он стремился достичь. Затем он превратил каждую монету в случайный цвет, и радуга монет разлетелась по купе. Наконец, он влил небольшое количество

магии в монеты, и они засияли. Рон был поражён: вот он — мальчик, который выжил, мальчик, о котором Рон слышал с детства, а теперь тот сидел напротив него и показывал совершенно необыкновенную магию, намного превосходящую его собственные силы. Он даже никогда не видел, чтобы Билл или Чарли демонстрировали такой уровень контроля. Гарри быстро заставил монеты остановиться и вернуться в карман, как раз перед тем, как дверь снова открылась, и в купе вошёл светловолосый мальчик, словно он был хозяином поезда.— "Говорят, что Гарри Поттер должен быть в поезде, ты его видел?" — спросил он.Гарри опустил глаза в книгу и ответил:— "Нет, не видел".Рон фыркнул, заставив мальчика обратить на него внимание:— "Нет нужды спрашивать, кто ты такой: рыжие волосы, мантии, сшитые собственноручно — ты, должно быть, Уизли".Лицо Рона покраснело, но прежде чем он успел ответить, мальчик повернулся к Гермионе:— "Маггловская одежда, никакой гигиены, никогда тебя раньше не видел. Я полагаю, что ты не более чем грязнокровка".Гермиона не знала, что это слово означает, но по тому, как мальчик его произнёс, она поняла, что это какое-то оскорбление. Наконец мальчик обратился к Гарри:— "Снова маггловская одежда, грязный вид. Ты не просто грязнокровка, ты бедная грязнокровка — это бесценно".— "Ха, да ты шутишь, он же Гарри Кровавый Поттер!" — пробурчал Рон, понимая, что произнёс это громко. — "Спасибо, Рон, за это," — язвительно сказал Гарри. Его план сохранить свою личность в тайне потерпел фиаско. — "Лучше бы ты был Гарри Поттером, в таком наряде Уизли выглядит богачом," — с этими словами Рон вышел из купе, надеясь, что план по сохранению своей тайны всё-таки удастся реализовать. — "Кто это был?" — спросила Гермиона после минутной паузы. — "Драко Малфой," — ответил Рон. — "Его отец был Пожирателем смерти, который утверждал, что невиновен, и выкупил себе выход из тюрьмы. Мой отец его ненавидит". — "Что такое Пожиратель смерти?" — робко спросила Гермиона, понимая, что Рон был на взводе. Рон начал рассказывать о последней войне волшебников, но Гарри не слушал, вернувшись к своей книге, поскольку Дамблдор уже рассказывал ему о войне, когда приезжал в гости, и у него не было желания слушать об этом снова. Гарри вспомнил, как он осматривал поезд в начале дня, и догадался, что колеса должны быть зачарованы, чтобы уменьшить трение, а рельсы должны помогать поезду двигаться быстрее. Добавьте к этому магический двигатель, и они легко могли бы поспорить с самым быстрым поездом в мире маглов.Гарри задумался, что бы он сделал, если бы проектировал поезд. Для начала он хотел бы сделать комнаты больше с помощью чар расширения, как он видел в Косом переулке. Затем он использовал бы манипуляции с пространством, чтобы сделать путешествие быстрее.Он читал, что портключи могут безопасно перевозить только дюжину человек, прежде чем возникает риск, что портключ разрушится в пути. Так что поезд не сможет просто телепортировать всех в Хогвартс, но он мог бы подключить что-то похожее на портключ к рельсам, а затем, используя магию и то, что заставляет портключи работать, создать магическую червоточину, через которую поезд пройдет, используя рельсы как якорь, чтобы не потеряться. Он также использовал бы осветительные чары, чтобы сделать поезд легче и увеличить его скорость. Конечно, возможно, это уже имеет место, но ему нужно было бы спросить учителя, как только он туда попадёт, чтобы узнать наверняка.Пока Гарри строил революционные идеи по магическим путешествиям, Рон и Гермиона обсуждали традиции волшебного мира. Гермиона считала, что везде должно быть так, как она выросла, а Рон хотел сохранить то, с чем был знаком. Оба оставили Гарри в покое, так как немного побаивались его теперь, когда он продемонстрировал свою силу. Наконец, солнце начало садиться, и Гермиона ушла, чтобы дать мальчикам переодеться в мантии. Затем они поменялись местами, и Гарри с Роном стояли на страже снаружи. Вскоре поезд остановился, и они вышли на платформу, после чего подошли к возвышающемуся человеку, который зазывал первокурсников. Гарри никогда в жизни не видел такого огромного человека: Вернон мог бы спрятаться за ним и не быть замеченным!Гарри сел в лодку, за ним последовали Рон, Гермиона и мальчик, представившийся Невилом, который тихо плакал. Когда Гермиона спросила, что случилось, он ответил:— "Я потерял свою жабу Тревора, моя бабушка убьёт меня".— "Если бы у меня была жаба, я был бы очень рад её

потерять, не знаю, на что он жалуется," — шепнул Рон Гарри, но не достаточно тихо, чтобы Невил не услышал, и тот начал плакать ещё сильнее. Гермиона бросила на Рона недовольный взгляд.Когда они увидели Хогвартс, все были ошеломлены, не меньше и Гарри, ведь он увидел не только прекрасный замок, но и магию, струящуюся через него и вокруг него. Сначала, глядя на воду, он подумал, что видит отражение магии Хогвартса, но потом понял, что это гигантское существо следит за лодками в нескольких футах под ними. Темнота и цвет существа делали его почти невидимым, Гарри мог видеть его только потому, что оно светилось собственной белой энергией. К каждой лодке было присоединено щупальце, которое двигало её. По всей видимости, это был гигантский кальмар из "Хогвартс: История".Как только они добрались до подземной гавани, их представили профессору Макгонагалл, которая провела их по замку. Гарри окончательно запутался, а от постоянного вида магии у него разболелась голова. Если в магловском Прайвет-драйве магия была приятной изюминкой, то в наполненном до краёв древней магией Хогвартсе Гарри словно смотрел на солнце.К тому времени, как они добрались до вестибюля, Гарри мысленно блокировал магическое зрение, поэтому появление призраков стало для него полной неожиданностью. — "Итак, что у нас тут?" — спросил один из призраков, заметив их первыми. — "Судя по всему, это первокурсники," — ответил другой.Гарри приходил в себя после шока, и в его голове роились вопросы: как существуют призраки? Только волшебные люди могут стать призраками или это доступно всем? Могут ли магические существа превращаться в призраков? Что видит призрак, проходя сквозь твердые предметы? Есть ли у них какие-то возможности или же они просто блуждают целыми днями? Видят ли маглы призраков? Пока эти вопросы крутились в его мыслях, большие двери открылись, и их проводили в огромный зал. Остальные первокурсники изумленно оглядывались по сторонам, даже самодовольный Драко Малфой с поезда выглядел благоговейно. Гарри, однако, был менее впечатлен этим залом: в нем не было ничего волшебного, кроме плавающих свечей, которые казались потенциально опасными. Что случится, если воск упадет на студентов внизу? Взгляд Гарри на мир волшебников окончательно испортила потрепанная шляпа, лежащая на трёхногом табурете. Неужели у них нет заклинаний для починки одежды? Когда шляпа начала петь, интерес Гарри возрос, но затем пришло ожидание: почему только одна шляпа? Можно было бы иметь по шляпе для каждого и сортировать всех одновременно, а не сидеть и ждать, пока назовут дом. Когда профессор Макгонагалл позвала Поттера, Гарри почувствовал нетерпение. Он ел только сладости после завтрака, который был в шесть утра, а сейчас уже близилось к семи вечера, и он страдал от голода. Игнорируя шепоток и указывающие взгляды, он подошел к столу и сел. Шляпа наделась ему на голову, но быстро сползла на глаза, и к его удивлению, шляпа заговорила с ним внутри сознания. — Как вы знаете, каждый дом гордится своими особенностями, и моя задача — найти для вас наилучший вариант. У вас много хитрости, без сомнения, но нет амбиций — это исключает Слизерин. Вы не храбры, скорее, убегаете от проблем, чем сталкиваетесь с ними; вы также не командный игрок — это исключает Гриффиндор. Я чувствую, что у вас была бы сильная преданность, если бы вам было кому служить. Вы понимаете важность тяжелой работы и решительности: Хаффлпаффу было бы очень полезно иметь вас среди себя. Однако вы усердно трудитесь ради знаний, а не ради самой работы; вы уже пытаетесь разобраться, как устроен наш мир. Ровена бы обожала вас. Не возражаете против моего выбора? Гарри покачал головой, и шляпа произнесла вслух, чтобы весь зал услышал: — Тогда уж лучше быть Рэйвенкло.

http://tl.rulate.ru/book/100845/3462836